

Г. Е. Корнилов

БЕДНОСТЬ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ: УРАЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1941–1953)

Территория Урала не подверглась вторжению агрессоров, тем не менее чрезвычайное военное время не могло не сказаться на условиях жизни сельского населения. Нанесенный войной ущерб был ощутимым. Общим состоянием населения деревни стала ужасающая бедность,¹ что было следствием многих взаимосвязанных причин: экономических (мизерная оплата труда в колхозах, низкая производительность труда, большой размер обязательных государственных заготовок, высокое налогообложение колхозников), социально-медицинских (старость, инвалидность, высокий уровень заболеваемости), демографических (неполные семьи, большое количество иждивенцев в семье), политических (война, вынужденная миграция), природно-климатических (засухи, ранние заморозки, обильные осадки в конце лета и осенью).

Условия ведения аграрного производства привели к тому, что использовать в военные годы имевшиеся земельные угодья не было возможности, тысячи гектаров земли вышли из обработки, были запущены. Ухудшение технического обслуживания, острая нехватка запасных частей, отсутствие капитального ремонта привели к быстрому износу сельскохозяйственной техники. Сокращение количества машин и орудий привело к тому, что в среднем на одну сельхозартель в 1945 г. приходилось 14 конных плугов, 2 сенокосилки, 3 жатки, 0,2 сложной молотилки и 1,1 простой, 4,7 косы. На фронт была отправлена большая часть лошадей. Резко понизился технический потенциал аграрного производства и его энергетический уровень. Следствием этого стало ухудшение агротехники и снижение плодородия почв. Были нарушены севообороты, в

ряде мест перешли на трехпольный оборот. Посевные площади сократились в регионе по всем категориям хозяйств на 30,5 %, а в колхозах — на 33 %; посеvy зерна — на треть, а валовые сборы — наполовину. Изменилась структура посевов: выросла доля серых хлебов, увеличились посадки картофеля и овощей. Резко уменьшилось поголовье животных по всем категориям хозяйств: свиней — на 50 %, лошадей — на 45, овец и коз — на 34, крупного рогатого скота — на 4 %.²

За годы войны на Урале изменилось соотношение форм организации аграрного хозяйства. Колхозы сохранили ведущее положение только в зерновом производстве. Индивидуальные хозяйства колхозников, рабочих и служащих преобладали в выращивании картофеля и овощей.

Тяжелое положение в сельском хозяйстве заставило местные власти обратиться в ЦК ВКП(б) и СНК СССР с предложениями относительно выхода из кризисной ситуации и организации бесперебойного снабжения продовольствием населения. В основу была положена идея о переориентации уральских колхозов и совхозов на производство картофеля и овощей, мяса, молока и яиц. В конце войны и в послевоенные годы были приняты постановления ГКО,³ СНК СССР,⁴ ЦК ВКП(б) и СМ СССР⁵ о создании собственной продовольственной базы индустриальных центров Урала. В них были определены меры материальной, в том числе, финансовой помощи деревне, колхозам и совхозам региона, снижены налоговые и заготовительные обложения. Впервые местным органам власти разрешилось изменять структуру посевов; были уменьшены площади, облагаемые поставками; списывались частично недоимки; улучшилось снабжение деревни техникой, инвентарем, семенами; хозяйствам

¹ Дж. Фостер, Дж. Грир, Е. Торбеке определяют бедность как состояние, при котором индивид или социальная группа не могут удовлетворить определенный круг минимальных потребностей, необходимых для жизни, для сохранения трудоспособности, продолжения рода. См.: Foster J., Greer J., Thorbecke E. A class of decomposable poverty measures // *Econometrica*. 1984. № 52(3). P. 761–765.

² См.: Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 69, 70, 74–76.

³ См.: Уральский рабочий. 1944. 25 марта.

⁴ См.: Материалы по выполнению постановления Государственного Комитета Обороны «О мероприятиях по усилению продовольственной базы промышленных центров Свердловской области». Свердловск, 1944.

⁵ Кесслер Х., Корнилов Г. Е. Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953: документы советской истории. М., 2006. С. 659–661.

пригородной зоны разрешалось понижать нормы обязательных поставок зерна; запрещалась мобилизация рабочей силы из колхозов в промышленность. Принятие этих постановлений в послевоенное время свидетельствовало о повороте в аграрной политике в регионе, что можно рассматривать и как определенную уступку колхозному крестьянству.

Крайне деструктивному влиянию за годы войны подверглись трудовые ресурсы деревни. Так, численность сельского населения Урала сократилась на 25 %; численность населения в колхозах Свердловской области — на 20,9 % (по сравнению с 1940 г.), при этом трудоспособных колхозников стало меньше на 32,2 % (мужчин — на 64,5 %, женщин — на 7,2 %). Война деформировала половой состав сельского населения. Среди сельчан Свердловской области в конце 1945 г. женщины составляли 62,7 %, мужчины — 37,3 %; среди колхозников — соответственно 64,1 и 35,9 %, из них в трудоспособном возрасте было 29,3 % женщин и 9,8 % мужчин; трудоспособные составляли 39 % от всех членов колхозов.⁶

В конце 1945 г. в 2168 колхозах Свердловской области насчитывалось 135,3 тыс. дворов (на 1 колхоз в среднем приходилось 62,4 двора). В среднем на одно крестьянское хозяйство приходилось 3,03 человека, из них трудоспособных 1,19 человека. Социально-демографические изменения в уральской деревне привели к тому, что сохранить сельскохозяйственное производство в довоенных размерах оказалось невозможно.

Победа в войне принесла надежды на счастливую и спокойную жизнь. Во второй половине 1940-х гг. основными мероприятиями аграрной политики по подъему сельского хозяйства были: достижение довоенных показателей сельскохозяйственного производства, введение новых форм организации оплаты труда; сельская электрификация; укрупнение хозяйств. Все это нашло отражение в решениях февральского (1947 г.) пленума ЦК ВКП(б), в государственном плане 4-й пятилетки, в плане развития электрификации села (1948–1951 гг.), а также в рассчитанном на 1949–1965 гг. «Сталинском плане преобразования природы».⁷ Уже к концу 1949 г. нужно было восстановить довоенный уровень производства зерна, пре-

взойти показатели по поголовью и продуктивности скота. Однако все меры носили преимущественно организационный характер, направлены были на экстенсивное развитие сельского хозяйства. Они исключали главный элемент интенсификации — человека, т. е. интересы колхозников стояли на последнем месте. Фронтовики, гордые своим участием в Победе, вернувшись в родные места, попадали в колхозную жизнь, которая мало чем изменилась. Писатель Е. Носов верно заметил: «Потом ведь в их жизни почти ничего стоящего не было. Он вернулся с фронта и опять как бы опустился до уровня пастуха ли, трудяги простого, сторожа магазинного. Он вернулся в деревню Ванькой и этим Ванькой остается всю жизнь».⁸ Бывшие фронтовики изменить тяжелую ситуацию в деревне не смогли.

Восстановление сельского хозяйства проходило в рамках сложившейся в довоенное время двухуровневой системы сельскохозяйственного производства, состоявшей из обобщественного хозяйства (колхозов) и личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Несмотря на то что ЛПХ, по идее, служило потребностям нуждам колхозного двора, государство выкачивало ресурсы как из колхозов, так и из ЛПХ. Размер приусадебного участка и личного хозяйства был дозирован так, чтобы мог обеспечить минимальное воспроизводство семьи; кроме того, он создавал иллюзию «своей земли». С этого крошечного участка земли колхозники кормились, а также платили денежный налог и осуществляли поставки мяса (независимо от того, имел ли крестьянин в своем распоряжении скот и птицу). Лишившись посевов, колхозники могли получить хлеб только на трудодни, заработанные в колхозе.

Чтобы «стимулировать» трудовую активность колхозников, в 1939 г. был введен обязательный минимум трудодней, в 1942 г. он был повышен (на Урале — с 60 до 100 трудодней в год). Минимум трудодней устанавливался и для подростков. Действие этой нормы сохранялось вплоть до конца 1953 г. На практике это означало, что право на ведение подсобного хозяйства было поставлено в зависимость не только от членства в колхозе, но также и от участия в обобщественном производстве. В этой системе главным рычагом управления колхозниками стали меры, направленные на расширение или, наоборот, на ограничение

⁶ См.: Корнилов Г. Е. Указ. соч. С. 37.

⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3: 1941–1952 годы. М., 1968. С. 246–319, 381–427, 490–502, 531–548.

⁸ День литературы. 2001. № 6.

прав на ведение подсобного хозяйства. Во время войны возможности ведения ЛПХ были расширены, чтобы компенсировать катастрофическое падение колхозного производства под натиском мобилизации.

Из-за разрушительных последствий войны, неблагоприятных погодных условий первый послевоенный год был омрачен неурожаем. Так, валовой сбор зерна в Свердловской области был ниже, чем в 1945 г., на 10,3 % (по РСФСР — на 16,4 %). Однако власти поставили перед колхозами задачу любой ценой выполнить планы государственных заготовок зерна и продуктов животноводства. Именно сокращение выдачи по трудодням позволило практически выполнить колхозам план сдачи зерна (в Свердловской области — на 99,1 %). Это привело к резкому ухудшению продовольственной ситуации и локальным голодовкам сельского населения. В России только с декабря 1946 г. по март 1947 г. включительно не менее 0,5 млн человек стали жертвами голода и связанных с ним болезней.⁹ Руководством страны факт послевоенного голода не был признан, что позволило пренебречь организацией необходимой продовольственной помощи населению. Подобная ситуация сложилась в 1951 и 1952 гг., когда план хлеба заготовок был выполнен на 84 % и 101,7 % соответственно.¹⁰ Областные власти обратились за продовольственной помощью в правительство страны, поскольку все запасы зерна были сосредоточены в его руках. Совет Министров СССР вынужден был выделить из государственного резерва продовольственную помощь нуждавшимся колхозникам области, семенную ссуду и фуражное зерно (вышло восемь постановлений от 21 января, 15 и 24 марта, 7 и 18 апреля, 5 мая, 6 и 11 июня 1953 г.). Массового голода удалось избежать.

Осенью 1946 г. началась кампания, инициированная постановлением СМ СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» (19 сентября 1946 г.).¹¹ К числу основных и серьезных нарушений были отнесены: неправильное расходование трудодней, расхищение общественных земель и колхозного имущества,

нарушение демократических основ управления колхозами, мнимые разделы семьи. Для контроля за соблюдением постановления при Совете Министров СССР был создан Совет по делам колхозов. В Свердловской области было организовано 1673 комиссии по проверке исполнения статей Устава.¹² В ходе их работы были проверены шнуровые книги колхозов. Из числа работников административно-управленческого аппарата были сняты с оплаты учетчики в полевых бригадах, обслуживающий персонал домов для приезжих, заведующие бригадными домами, пожарные, сторожа, письмоноscopy. Зимой 1946/47 г. колхозам Свердловской области возвратили 1296 га пахотной земли и 9076 га сенокосов, переданных во время войны промышленным предприятиям для ведения подсобного хозяйства. За расхищение колхозных земель привлекли к ответственности 117 человек, из них 15 были осуждены. Излишки приусадебных участков также были переданы в фонд колхозов. В целом, колхозам было «возвращено» около 95 тыс. га земель, а также расхищенное имущество: лошади, крупный рогатый скот, инвентарь, в том числе сани, катки, косилки, телеги.¹³

Эта кампания вела к нерациональному использованию угодий, а нередко — к запустению ранее обрабатываемых площадей. Ее смысл, скорее, состоял в расширении облагаемой госпоставками земельных площадей. Тем более, февральский (1947 г.) Пленум ЦК ВКП(б) подтвердил принципы заготовительной политики в отношении сельскохозяйственных продуктов, существовавшие с довоенных времен. По постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 7 апреля 1940 г. в основу исчисления размеров заготовок было положено количество пашни или земельные площади, закрепленные за колхозами: поставки зерна, картофеля, овощей исчислялись с количества пашни, а поставки животноводческой продукции — со всех сельскохозяйственных угодий, в том числе пастбищ и сенокосов.¹⁴ Погектарный принцип исчисления обязательных поставок содействовал (по замыслу) введению в хозяйственный оборот всех закрепленных за колхозами земель и увеличению поголовья скота.

⁹ См.: Зима В. Ф. Голод в России 1946–1947 гг. // Отечественная история. 1993. № 1. С. 43; Он же. Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. М., 1996. С. 221.

¹⁰ См.: Кесслер Х., Корнилов Г. Е. Указ. соч. С. 687–692, 835.

¹¹ См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1958. Т. 3. С. 91–97.

¹² См.: Толмачёва Р. П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). Томск, 1979. С. 70.

¹³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 630. Л. 227; Кесслер Х., Корнилов Г. Е. Указ. соч. С. 639–646.

¹⁴ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 747, 748.

Однако, во время войны и после ее окончания не вся закрепленная за колхозами земля обрабатывалась, но государственные поставки они были обязаны выполнять в полном объеме.

В годы войны очень высокой была доля отчуждаемого государству валового продукта колхозного производства (по зерновым она доходила до 50 %, по молоку, мясу, шерсти — до 80 %). Такое положение сохранялось и в послевоенные годы: в 1952 г. доля поставок зерна составила 34,9 % от валового сбора.¹⁵ В результате из года в год росли недоимки. Так, по обязательным поставкам зерна они составили по Свердловской области в 1946 г. 39,4 тыс. т, в 1947 г. — 41,2 тыс. т, в 1948 г. — 49,3 тыс. т, в 1949 г. — 59,7 тыс. т; недоимки зерна по натуральной оплате МТС — соответственно 42,4 тыс. т, 48,7 тыс. т, 75,7 тыс. т, и 105,2 тыс. т.¹⁶ Задолженность колхозов по обязательным поставкам и натуроплате МТС последовательно возрастала и превысила в результате даже годовые планы заготовок и закупок зерна вместе взятые.

Заготовительные цены оставались мизерными. Среднерасчетная цена всех зерновых в 1948 г. составляла 7,5 руб. за центнер, что было ниже себестоимости. Заготовительная цена в 1950 г. возмещала только седьмую часть себестоимости зерна. Доход колхозов от сдачи зерновых составлял 8–9 % общей стоимости продукции, сданной государству. Постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 26 мая 1949 г. «О заготовках продуктов животноводства» устанавливало средние нормы их сдачи: мяса — 3 кг с одного гектара земли, молока — 10,6 кг, шерсти — 405 г, яиц — 10 штук.¹⁷ Среднерасчетная заготовительная цена мяса составляла в 1947 г. 27,4 руб. за центнер, в 1948 г. — 29 руб.; молока — 24–25 руб.; яиц — 2 руб. за 10 штук. По таким ценам в 1950 г. было сдано 52 % валового производства молока, 57 % скота, 58 % яиц. В том же году заготовительная цена на мясо составила лишь 1,5 % его рыночной цены.¹⁸ Производимая в сельхозартелях продукция была результатом неоплаченного труда колхозников.

Откровенное ограбление — несоблюдение эквивалентности в товарном обращении между колхозами и государством — сдерживало развитие колхозного производства, подрывало материальную заинтересованность крестьянства в результатах труда.

Заготовки сельскохозяйственных продуктов государство распределяло в равной мере на колхозы и на приусадебные участки. Зерно, картофель и технические культуры заготавливались за счет колхозной продукции, в то время как для заготовок мяса, молочных продуктов, овощей значение приусадебных участков было намного больше, чем их скромная доля в земельных угодьях (предполагалось при этом, что колхозники еще и питались с них).

Безусловно, тяжелые военные годы сыграли свою роль в развале сельского хозяйства, но нет никакого сомнения в том, что основной причиной неудач в попытках сталинской колхозной системы поднять производительность труда было полное пренебрежение человеческим фактором в производстве, неадекватное вознаграждение за труд — без учета соразмерности выплат с затраченными усилиями. В результате колхозники стремились сосредоточить свои усилия на приусадебных участках — основном источнике продуктов, необходимых для физического выживания, — и работать в колхозе по остаточному принципу.

При отсутствии материальных стимулов к труду в колхозном производстве взаимоотношения власти и крестьянства были построены на трудовой повинности и административных мерах воздействия. Обязанности колхозников по отношению к государству-победителю были разнообразными и многочисленными. Это и обработка колхозных полей, и уход за общественным скотом; это и содержание собственного скота, и обработка приусадебного участка во вне рабочее время (при этом с этого клочка земли необходимо было платить налоги и выполнять мясopоставки государству); это и поддержание в порядке дорог, и строительство хозяйственных помещений, и лесозаготовки, и торфозаготовки; это и содержание учителей, бухгалтеров и счетоводов; это и служба в армии; это и участие в колхозных собраниях и общественных мероприятиях. При этом нерадивые и неисполнительные наказывались. Чтобы колхозник не уклонялся от своих обязанностей, он был лишен права на свободу передвижения. После введения паспортной системы в 1933–

¹⁵ См.: Волков И. М. Трудовой подвиг крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М., 1972. С. 167.

¹⁶ См.: Мотревич В. П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики. Екатеринбург, 1993. С. 271, 272.

¹⁷ См.: Директивы КПСС по хозяйственным вопросам. М., 1958. Т. 3. С. 445–455.

¹⁸ Волков И. М. Указ. соч. С. 171–173; Попов В. П. Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953 гг.): сб. документов. М., 1993. С. 53.

1935 гг. выезд из деревни был возможен только с разрешения сельского совета.

В условиях кризиса сельского хозяйства и хронической бедности и нищеты происходило усиление внеэкономического принуждения колхозников к общественному труду. Формы и методы такого принуждения оставались после войны прежними. Как уже отмечалось, это прикрепление колхозника к хозяйству посредством лишения права передвижения, установление обязательных норм выработки трудодней, трудовые мобилизации колхозников для выполнения работ в народном хозяйстве, натуральные и денежные повинности с колхозного двора.

Система внеэкономического принуждения колхозного крестьянства базировалась на колхозном праве, сложившемся в 1930-е г., обеспечивалась идеологическим воздействием средств массовой информации, пропагандистской деятельностью Коммунистической партии и комсомола, направленной на формирование сознательного отношения советского человека к труду, а также деятельностью правоохранительных органов, осуществлявших в деревне карательные функции.

Отношение колхозников к несправедливым общественным порядкам было различным. Большая часть колхозников оставалась терпимой к существующей системе общественных отношений: они добросовестно трудились в общественном хозяйстве, выполняя и перевыполняя нормы выработки трудодней. Часть колхозников проявляла недовольство, что выражалось в скрытых формах сопротивления — в саботаже общественных работ, в отказе от выполнения налоговых поставок и трудгужповинностей, в воровстве и растаскивании колхозного имущества («сопротивление слабых»). Примерно пятая часть колхозников выражала свой протест против нищеты и бесправия бегством из деревни. Попытки колхозного населения уклониться от повинностей пресекались карательными мерами — от наложения штрафов и дополнительных налогов вплоть до массовых репрессий.

Такая мера наказания, как репрессии, применялась весь сталинский период, принимая различные формы и размах. 21 февраля 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР по инициативе Первого секретаря ЦК КП Украины Н. С. Хрущёва принял секретный указ «О выселении из Украинской ССР лиц, злобно уклоняющихся от трудовой деятельности

в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный и паразитический образ жизни».¹⁹ Со 2 июня 1948 г. указ был распространен на всю территорию СССР. Он предоставлял местному руководству право при помощи колхозных собраний и сельских сходов решать вопрос о выселении в отдаленные края практически любого живущего в деревне.²⁰ Основной целью этого указа было запугивание народа, слом нараставших антиколхозных настроений, стремление заставить колхозников работать практически бесплатно. Выселению на 8 лет колхозники подвергались за невыполнение обязательного минимума трудодней, за антиобщественный, паразитический образ жизни. Кроме выселения, применялись и другие меры, например, предупреждение о возможной высылке. Для исправления устанавливался испытательный срок от 1 до 6 месяцев с письменным обязательством исправиться и честно трудиться. Если обязательства не выполнялись, то общее собрание могло заменить предупреждение высылкой.

В ходе «второго раскулачивания» пострадали те, кто выражал недовольство творившимся в колхозах произволом, разоблачал действия членов правления колхоза, нарушавших Устав сельхозартели, открыто выступал с критикой местных властей. На основании упомянутого выше Указа от 2 июня 1948 г. репрессиям подвергались колхозники, которые самовольно покидали колхозы, ловили рыбу и охотились в государственных лесах, занимались каким-либо ремеслом (шитьем одежды, изготовлением валенок).

Кампания охватила все колхозы Свердловской области.²¹ Высланная в лесопункт Кемеровской области на 8 лет Т. И. Важенина в марте 1952 г. посылала заявления Председателю Верховного Совета СССР, в Совет Министров СССР с просьбой вернуть ее на родину в Егоршинский район, в которых искренно отмечала: «...я не знаю, за что меня выслали, я не член колхоза, я производственница со школьной скамьи и все время работала на производстве. Но за что меня выслал колхоз, я не знаю».²²

Репрессии на селе были составной частью системы государственного управления сель-

¹⁹ См.: Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 156.

²⁰ См.: Зима В. Ф. «Второе раскулачивание» (аграрная политика конца 40-х — начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109.

²¹ См.: Кесслер Х., Корнилов Г. Е. Указ. соч. С. 646–655.

²² Цит. по: Там же. С. 670–673.

ским хозяйством. Спецпоселенцев, высланных по Указу от 2 июня 1948 г., насчитывалось в середине 1949 г. 22,5 тыс. человек.²³ Лишь после смерти И. Сталина в 1953 г. их уровень резко понизился.

Одновременно с процессами над «тунеядцами и паразитами» в колхозах пересматривались нормы выработки, установленные в военные годы. Новые нормы, утвержденные постановлением СМ СССР от 19 апреля 1948 г., были повышены на 15–30 %, при этом предусматривалась коллективная ответственность за результаты труда в бригаде или звене: за каждый процент невыполнения плана сбора урожая с бригады или звена списывалось от 1 до 25 % затраченных трудодней.²⁴

Отрицательные последствия, углублявшие аграрный кризис, лавинообразно возрастали при реализации таких крупномасштабных мероприятий, как электрификация деревни и укрупнение колхозов. Одним из инициаторов сельской электрификации страны на заключительном этапе войны была Свердловская область. Осуществление проекта опиралось на мощный промышленный потенциал региона. За 1946–1949 гг. в области было электрифицировано 87 % колхозов и 97 % МТС.²⁵ Однако, несмотря на впечатляющие успехи, сельская электрификация не принесла ожидаемых результатов. Из-за низкого качества работ, отсутствия необходимых материалов и нехватки квалифицированных кадров из 675 малых электростанций в 1950 г. не работала 101. Маленькие станции были нерентабельны, и в 1952 г. их стали закрывать. На их строительство колхозы Свердловской области затратили около 127 млн руб. С 1953 г. колхозы и МТС стали присоединяться к государственным электросетям.²⁶ Несмотря на огромные финансовые и прочие затраты, электрификация стала важнейшим фактором аграрного перехода: она ломала старые представления о труде, вела к изменению культуры и быта селян.

Одним из показателей материального положения колхозников являлась оплата трудодня. В послевоенный период она была настолько незначительной, что только за счет доходов от приусадебного хозяйства колхозники обеспечивали свое существование. Стоимость тру-

додня, по которой оценивался труд колхозника в 1950 г., составляла в среднем 48 коп.; 1,15 кг зерна; 0,08 кг картофеля; 0,17 кг овощей и 0,24 кг сена; в 1953 г. — 82 коп. и 1,93 кг зерна.²⁷ Годовые отчеты колхозов за 1953 г. показывают, что только 17,1 % от валового сбора зерна было определено к выдаче колхозникам по трудодням.²⁸ Бюджетные обследования семей колхозников Свердловской области показывают, что покупка скота и непродовольственных товаров составляла в 1952–1953 гг. 37–40 % бюджета семьи, остальные денежные доходы тратились на покупку продуктов питания и оплату различных налогов.²⁹

Неудивительно, что в послевоенные годы усилился миграционный отток из деревни. Выросло количество колхозников, не выработавших минимум трудодней. Сельчане уходили на промышленные предприятия через организованный набор или мигрировали стихийно. Чтобы задержать людей в колхозах, местные власти использовали административные меры, не выдавали справки, необходимые для получения паспорта.

Массовая демобилизация армии несколько затормозила сокращение сельского населения, но не остановила его. Если в 1944 г. в Свердловской области в сельской местности проживало 896,6 тыс. человек, то в 1947 г. — 830,6 тыс., в 1951 г. — 810,8 тыс. Еще больше сократилась численность трудоспособных колхозников — с 261,1 тыс. человек в 1940 г. до 168,4 тыс. в 1950 г.³⁰

К началу 1950-х гг. сельское хозяйство региона добилось некоторых результатов. Если объем сельскохозяйственной продукции 1945 г. принять за 100 %, то в 1950 г. он составил 165 %. Урожайность зерновых возросла с 7,5 ц с га в 1946 г. до 9,1 ц с га в 1950-м. Однако довоенного уровня достигнуть не удалось. Противоречивость ситуации в аграрном секторе заключалась в том, что полученные производственные результаты не облегчили тяжелого экономического положения колхозов. Конфискационно-заготовительная и налоговая политика подрывала внутренние ресурсы аграрной экономики. Не осталось возможностей даже для простого их воспроизводства.

²³ См.: Земсков В. Н. Указ. соч. С. 167.

²⁴ См.: Директивы КПСС и Советского правительства... С. 269.

²⁵ См.: Кузьмина А. П. Электрификация села на Урале // Урал. ист. вестн. 2013. № 1. С. 52–57.

²⁶ См.: Кесслер Х., Корнилов Г. Е. Указ. соч. С. 805.

²⁷ См.: Толмачёва Р. П. Указ. соч. С. 56.

²⁸ ГАСО. Ф. 1813. Оп. 8. Д. 196. Л. 70.

²⁹ См.: Кесслер Х., Корнилов Г. Е. Указ. соч. С. 782.

³⁰ См.: Корнилов Г. Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993. С. 97; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 1302. Л. 4, 6, 8, 10, 12.

В начале 1950-х гг. произошло сокращение сельскохозяйственного производства. В 1951 г. его объем составил 85,6 %, а в 1952 г. — 77,7 % от уровня 1950 г. Одной из причин нараставшего кризиса стало массовое укрупнение колхозов. 30 мая 1950 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле», а 17 июня 1950 г. — постановление СМ СССР «О мероприятиях в связи с укрупнением мелких колхозов».³¹ Этот процесс перерос рамки просто организационных изменений и оказал влияние на все стороны жизни деревни. Идеологическую основу этой кампании составила идея превосходства крупного хозяйства над мелким (по аналогии с промышленностью). В Свердловской области к осени 1950 г. количество сельхозартелей уменьшилось с 2 124 до 957, а к 1953 г. — до 721.³²

Объединение хозяйств осуществлялось административными методами, при этом мнение колхозников чаще всего не учитывалось. Это была попытка поднять экономику огромного количества слабых в экономическом смысле хозяйств за счет их более развитых в экономическом плане соседей, поскольку происходило перераспределение средств между колхозами. Как и во времена коллективизации, в деревнях забивали скот, растаскивали колхозное имущество. Увеличение земельных фондов колхозов привело к росту налоговых отчислений и объема государственных заготовок, натуральной оплаты МТС, одновременно увеличились затраты на внутренние коммуникации и себестоимость продукции. Если в 1948 г. убытки колхозов составляли 508 тыс. руб., то в 1952 г. — уже 5 022 тыс. руб., т. е. выросли в 9,9 раза.³³ Особенно тяжело сказалось укрупнение хозяйств на состоянии животноводства. В рамках этой кампании началось сселение малых деревень.

Отличительной чертой колхозной системы сталинского периода был катастрофически низкий уровень жизни на селе. Доходы колхозников были значительно меньше, чем

доходы любой другой категории населения. Колхозники были самой бедной и материально неблагополучной группой населения. Факторами, тормозящими улучшение их материального состояния, были: жесткая налоговая политика, низкая оплата труда в колхозном производстве и политика властей, направленная на ограничение личных подсобных хозяйств. Условия жизни колхозного крестьянства предопределялись его низким правовым статусом в обществе. Колхозники не имели ежегодных отпусков, не получали выплат во время болезни, не было предусмотрено и оплачиваемых отпусков по беременности и родам для колхозниц, почти никто из колхозников не получал пенсий.

Даже в относительно благоприятные годы оплата труда в общественном хозяйстве могла обеспечить лишь полуголодное существование. С целью выживания в этих условиях большинство крестьян прибегало к апробированным методам поведения: сокрытию объектов налогообложения, невыполнению денежных и натуральных обязательств, хищениям колхозного имущества, уклонению от работы на колхозных полях и фермах, первоочередной работе в личном хозяйстве, бегству из деревни. Особые приемы «амортизации» негативных последствий сверхнормативного обложения применяли колхозные начальники всех уровней — от учетчиков и кладовщиков до бригадиров и председателей. Основываясь на подобных фактах, можно прийти к вполне определенному выводу, имеющему принципиальное теоретическое значение. Превратившийся в колхозника сельский житель, даже утрачивая экономические черты, свойственные его классу, все еще оставался крестьянином по своему менталитету. Постоянно балансируя на грани выживания, большинство колхозников в военных и послевоенных условиях культивировало нормы моральной экономики и в целях самосохранения обращалось к обычным для крестьянства поведенческим стратегиям, лишь приспособливая их к новым условиям.

Ключевые слова: *аграрная политика, колхозы, материальное положение, бедность*

³¹ См.: Директивы КПСС и Советского правительства... С. 534–536.

³² См.: Кесслер Х., Корнилов Г. Е. Указ. соч. С. 19.

³³ Мазур Л. Н. Укрупнение колхозов на Урале в начале 50-х годов // Проблемы истории регионального развития: население, экономика и культура Урала и сопредельных территорий в советский период. Екатеринбург, 1992. С. 63.

Gennady E. Kornilov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS

(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: genakorn@mail.ru

**POVERTY AS A WAY OF LIFE: THE URAL'S COUNTRYSIDE
DURING THE WW II AND THE POST-WAR YEARS (1941–1953)**

The article deals with the agrarian policy of the Soviet state during the late Stalin's period, which remained unchanged even after the victory in the World War II. The confiscatory procurement policy was the main factor contributing to the extreme poverty of the population in the Ural's villages. Based on the analysis of historical documents the author presented the economic, demographic and the food availability situation in the countryside during the war and post-war periods. A conclusion on the existence of crisis in the agricultural and food sectors in the early 1950s has been formulated for the first time. Deficit of food products forced the central authorities to provide food and seed subsidies to the farmers of the Sverdlovsk region in order to prevent famine. It is demonstrated that the farmers even under the conditions of collectivism maintained their traditional characteristics and followed the "moral economy" norms.

Key words: *agricultural policy, collective, financial position, poverty*

REFERENCES

- Foster J., Greer J., Thorbecke E. *Econometrica*, 1984, № 52(3), pp. 761–765. (in English).
- Kessler Kh., Kornilov G. Ye. *Kolkhoznaya zhizn na Urale. 1935–1953: dokumenty sovetskoy istorii* [Collective farm life in the Urals. 1935–1953: documents of soviet history]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006, 912 p. (in Russ.).
- Kornilov G. Ye. *Uralskaya derevnya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Ural village during Great Patriotic war (1941–1945)]. Sverdlovsk: Ural. gos. un-t Publ., 1990, 211 p. (in Russ.).
- Kornilov G. Ye. *Uralskoe selo i voyna. Problemy demograficheskogo razvitiya* [Ural village and war. The problems of demographic development]. Ekaterinburg: Uralagropress Publ., 1993, 174 p. (in Russ.).
- Kuzmina A. P. *Ural'skii istoricheskii vestnik* (Ural Historical Journal), 2013, № 1, pp. 52–57. (in Russ.).
- Mazur L. N. *Problemy istorii regionalnogo razvitiya: naselenie, ekonomika i kultura Urala i sopredelnykh territoriy v sovetskiy period* [Problems in the history of regional development: population, economy and culture of the Urals and adjacent areas during the Soviet period]. Ekaterinburg: IIA URO RAN Publ., 1992, pp. 58–67. (in Russ.).
- Motrevich V. P. *Selskoe khozyaystvo Urala v pokazatelyakh statistiki* [Agriculture Urals in terms of statistics]. Ekaterinburg: Nauka Publ., 1993, 307 p. (in Russ.).
- Popov V. P. *Rossiyskaya derevnya posle voyny (iyun 1945 — mart 1953 gg.): sbornik dokumentov* [Russian village after the war (June 1945 — March 1953): a collection of documents]. Moscow: MPGU Publ., 1993, 204 p. (in Russ.).
- Tolmacheva R. P. *Kolkhozy Urala v pervye poslevoennye gody (1946–1950 gg.)* [The collective of the Urals in the early post-war years (1946–1950 gg.)]. Tomsk: Tomskiy un-t Publ., 1979, 221 p. (in Russ.).
- Volkov I. M. *Trudovoy podvig krestyanstva v poslevoennye gody. Kolkhozy SSSR v 1946–1950 gg.* [Heroic labor of the peasantry in the postwar years. The collective farms of the USSR in 1946–1950]. Moscow: Nauka Publ., 1972, 293 p. (in Russ.).
- Zemskov V. N. *Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960* [Special settlers in the USSR, 1930–1960]. Moscow: Nauka Publ., 2005, 306 p. (in Russ.).
- Zima V. F. *Golod v SSSR 1946–1947 gg.: proiskhozhdenie i posledstviya* [Famine in the USSR in 1946–1947: origins and consequences]. Moscow: IRI RAN Publ., 1996, 265 p. (in Russ.).
- Zima V. F. *Otechestvennaya istoriya* (History of Russia), 1993, № 1, pp. 35–52. (in Russ.).
- Zima V. F. *Otechestvennaya istoriya* (History of Russia), 1994, № 3, pp. 109–125. (in Russ.).